

Стрелка спидометра снова перевалила за двести пятьдесят. Дорога до дома заняла от силы полчаса. Оказавшись на месте, Хань Цзин не стал сразу заходить в дом. Он закурил и остался стоять под унылым ночным дождем, пытаясь унять клекотавшую внутри ярость. С непривычки он несколько раз закашлялся от резкого дыма. Лишь когда прохладный ночной ветер остудил разгоряченное лицо, Хань Цзин отбросил тлеющий окурок, зашел в кладовую за ключами, наскоро прополоскал рот чаем и, наконец совладав с чувствами, поднялся наверх.

Отперев запертую дверь, он шагнул в полумрак спальни. В комнате горела лишь тусклая настольная лампа.

— Нам нужно поговорить, Морис.

— Морис?

— Опять спишь?

Тихо, стараясь не шуметь, Хань Цзин подошел к постели и присел на край. В скупом свете лампы черты лица Мориса расплывались. Хань Цзин негромко вздохнул: стоило увидеть любимого человека, как все недавние обиды и глухое недовольство испарились без следа. Злость уступила место нежности. Он потянулся к Морису, собираясь привычным жестом коснуться его щеки, но сердце вдруг испуганно пропустило удар. Кожа под пальцами оказалась неестественно холодной и влажной. Морис весь исходил холодным потом.

Встревоженный Хань Цзин поспешно прибавил яркости на настольной лампе. Свет выхватил из темноты фигуру Мориса: тот лежал, съежившись под одеялом и крепко обхватив руками живот. Шелковистые золотые волосы, взмокшие от пота, разметались по подушке и плечам.

Морису пришлось приоткрыть глаза. Ему было невыносимо плохо, но он упрямо не желал показывать и капли слабости.

— Зачем ты вернулся? — он попытался спросить это как можно холоднее, но мысль о том, что Хань Цзин бросил его в самый тяжелый момент, отозвалась в голосе невольной, едва уловимой обидой.

— Я только что проводил маму...

— Прости меня, глупого. Не сердись больше, хорошо? — глядя на бледное, осунувшееся лицо Мориса, покрытое испариной, Хань Цзин почувствовал, как сердце сжалось от острой боли. Паника медленно затапливала разум.

— Тебе очень плохо?

— Где болит?

Чувствуя его искреннюю тревогу, Морис, вопреки былой досаде, инстинктивно потянулся навстречу. Он прильнул к Хань Цзину, словно в его объятиях надеялся обрести силы, чтобы противостоять нарастающей, скручивающей изнутри боли.

— Хочу прилечь...

Договорить он не успел. Очередная схватка накатила с новой силой. Морис уткнулся лицом в плечо Хань Цзина, все его тело мгновенно окаменело, а побелевшие пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в простыню, выдали нечеловеческую муку.

Хань Цзин мгновенно понял: происходит что-то страшное, совсем неправильное. Обнимая Мориса, он с ужасом обнаружил, что домашняя одежда того промокла насквозь. Хань Цзин осторожно провел ладонью по его влажной спине и опустил руку ниже, коснувшись округлого, высоко вздымающегося живота. Тот был твердым как камень. Мориса била крупная, непрерывная дрожь.

В памяти один за другим стали всплывать уроки из школы для будущих родителей. Сердце Хань Цзина пропустило удар от подступившей паники, но он заставил себя сохранить внешнее спокойствие — сейчас Морису нельзя было видеть его страх.

Бережно прижав к себе Мориса, Хань Цзин принялся мягко массировать ему поясницу, стараясь облегчить спазмы так, как учили на занятиях.

Схватка длилась всего полминуты, но для Мориса это время растянулось в вечность. Боль не утихала, накатывая волна за волной и не давая перевести дух.

Почувствовав, как напряженные мышцы в его руках мало-помалу расслабляются, а Морис бессильно обмякает, Хань Цзин немного перевел дыхание. Он с нежностью поцеловал взмокший лоб любимого, сгорая от жалости и сострадания.

— Не молчи, умоляю. Когда все началось?

Морис прикрыл глаза, безвольно позволяя уложить себя обратно на постель. Обида на Хань Цзина еще не прошла, но сил спорить или отвечать не осталось вовсе.

— Мне нужно позвать Марко! — встревоженно воскликнул Хань Цзин, собираясь подняться.

— Не надо... — слабый голос Мориса заставил его замереть. Ледяные пальцы судорожно вцепились в его запястье.

— Я просто полежу немного... Хочу, чтобы ты побыл со мной, — в его сапфировых глазах промелькнула редкая, несвойственная ему уязвимость. Одиночество во время этой пытки было невыносимым.

— Глупый мой, — чувствуя всю глубину его скрытой нежности, Хань Цзин с трудом сдержал подступившие слезы. Он опустился обратно на кровать и мягко зашептал: — Морис, ты рожашь. Неужели сам не понимаешь?

— Как это?.. — Морис вздрогнул от испуга. Он растерянно положил ладонь на огромный живот и нахмурился: — Еще ведь рано... срок не подошел...

— И потом... у меня не отходили воды... и крови не было, — он замялся, чувствуя легкое смущение.

Долгое время служба поглощала его без остатка, не оставляя ни минуты на изучение тонкостей беременности. На все курсы Хань Цзину приходилось ходить в одиночку. Лишь в последние две недели Морис сумел выкроить немного времени, чтобы пролистать стопку книг, купленных мужем. Из-за постоянного изнурения он усвоил лишь общие сведения о родах, а в деталях разбирался гораздо хуже Хань Цзина.

— У всех это происходит по-разному. К тому же твой организм уникален, физиология может реагировать иначе, — Хань Цзин бережно смахнул выступивший на лбу Мориса пот. На его лице отразилась мягкая уверенность: — Не бойся, я рядом и никуда не уйду. Сейчас я наберу Марко.

Коротко поцеловав бледные губы мужа, Хань Цзин ободряюще сжал его ладонь и вышел со смартфоном в коридор.

Оставшись один, Морис обхватил руками живот. Сердце испуганно затрепетало. Его охватил страх перед преждевременными родами: что, если с малышом что-то случится?

Лишь переступив порог спальни, Хань Цзин позволил панике прорваться наружу. Он заметался по коридору, лихорадочно набирая номер врача.

— Да ответь же ты!.. — не выдержав затянувшихся гудков, вполголоса выругался он.

Наконец на том конце провода раздался спокойный голос Марко:

— Хань Цзин? Что-то случилось в такой час...

— Кажется, Морис рождает! — перебил его Хань Цзин, едва сдерживая дрожь в голосе.

— Что?! — Марко на секунду растерялся. — Спокойно. Когда начались схватки? Каковы симптомы?

— Думаю, еще днем, часа в четыре-пять. Идиот, как я мог не заметить! — Хань Цзин до боли

прикусил губу, вспоминая их несостоявшийся ужин и собственную слепоту. Раскаяние душило его.

— Перестань паниковать! — жестко приказал Марко, уловив его состояние. — Пока меня нет, ты его единственная опора. Соберись и помоги ему. Ты обязан вселить в него уверенность. Для чего ты ходил на курсы?

— Да, ты прав... я справлюсь, — Хань Цзин глубоко вздохнул, силой вытягивая себя из оцепенения.

— Выделений нет, но живот каменный. Боли сильные, спазматические... — Хань Цзин уловил в трубке шорох собираемых вещей.

— Понял. Не переживай, первые роды обычно длятся не меньше полусуток, — Марко уже укладывал медицинский саквояж, прижав трубку плечом к уху. Взглянув на часы, он отметил, что стрелка близится к девяти вечера. — Я успеваю на последний рейс. К полуночи буду у вас.

— Лететь самолетом?! — у Хань Цзина голова шла кругом.

— Я сейчас во Флориде, на Базе № 9! — ровным, внушающим доверие тоном пояснил Марко. — Даже если отойдут воды, до развязки пройдет уйма времени. Слушай меня внимательно: помоги Морису подняться. Ему нельзя сейчас лежать, от этого боль только усилится, а процесс затянется.

— Пусть встанет на колени у постели, упершись руками в матрас. Это поможет ребенку опуститься. Помнишь, чему вас учили?

— Да, помню, помню... — пробормотал Хань Цзин. Подробные указания врача окончательно прояснили его мысли, выстраивая в голове четкий план действий.

Новый спазм заставил Мориса выгнуться дугой. Он терпел молча, стиснув зубы. Слова Хань Цзина заставили его осознать: приступы боли действительно накатывают с пугающей регулярностью. Неужели роды начались?

От мысли о преждевременном появлении ребенка на свет Мориса обдало ледяным жаром. Он выпустил из пальцев измятую простыню и обеими руками прижал вздрагивающий, натянувшийся живот. Боль застилала взор, стирая границы реальности. Он даже не заметил, как в спальню вернулся Хань Цзин.

— Марко уже в пути, — Хань Цзин опустился рядом с ним, бережно вытирая испарину с бледного лба.

— Как... ребенок? — едва сдерживая стон, выдохнул Морис, когда схватка наконец отступила.

— С ней все будет хорошо, обещаю, — Хань Цзин прижал к себе его вздрагивающее тело и принялся покрывать поцелуями влажные виски и щеки, стремясь дать ему хоть каплю утешения.

— Давай переоденемся и спустимся на пол. Если упрешься руками в кровать, станет легче.

— Я сам... — Морис попытался приподняться на локтях, но Хань Цзин мягко удержал его.

— Не упрямься, побереги силы, — ласково возразил муж. Он помог Морису снять промокшую домашнюю кофту, набросил на его плечи просторную длинную рубашку и осторожно стянул брюки.

Морис смущенно отвернулся, так и не заметив, как в один миг переменилось лицо Хань Цзина.

Белье действительно оставалось абсолютно чистым — ни намек на кровь или околоплодные воды. Однако Хань Цзин с замиранием сердца обнаружил, что раскрытие уже началось. Судя по тому, чему его учили на курсах, оно составляло не менее трех пальцев.

"Уже три пальца?.. Но как, без единого признака?"

"Неужели дело в его особенном, совершенном организме?"

Не находя объяснения этой аномалии, Хань Цзин похолодел от дурного предчувствия, однако не подал виду. Справившись с эмоциями, он поднял голову и помог Морису, воспользовавшись короткой передышкой между схватками, осторожно подняться с постели.

Опираясь правой рукой на плечо мужа и придерживая левой округлый, тяжелый живот, Морис медленно опустился на пол. Золотые пряди шелком рассыпались по его плечам. Он послушно опустился на колени у постели и лег грудью на край матраса. То, что нижняя половина тела осталась неприкрытой, защищенной лишь подолом длинной рубашки, заставило его уязвленное самолюбие вспыхнуть мучительным стыдом.

Беспокоясь за его колени, Хань Цзин быстро подложил под них мягкую подушку. Стоило ему закончить, как лицо Мориса исказилось от внезапной судороги. Он резко опустил голову, пряча лицо, но пальцы его с силой впились в край постели. Все его тело вновь натянулось как струна.

— Дыши, Морис, глубже.

— Постарайся расслабиться... не напрягайся...

— Не борись со схваткой, выдыхай...

Мягкий шепот над ухом лишь разжигал в Морисе глухое раздражение. Расслабиться? Не бороться? Да как это возможно, когда изнутри тебя буквально разрывает на части?! Острая, режущая боль внизу живота становилась невыносимой. На мгновение ему показалось, что он снова переживает тот кошмар, когда возникла угроза выкидыша.

Гордость не позволяла ему малодушно стонать. На самом пике спазма Морис уткнулся лбом в матрас, а правой рукой мертвой хваткой вцепился в деревянную стойку кровати. Костяшки пальцев побелели, ладони скользили от холодного пота.

Опасаясь, что от напряжения Морис сорвет поясницу, Хань Цзин осторожно придерживал его тяжелый, каменеющий живот, непрерывно разминая напряженные мышцы спины. Видеть, как Морис раз за разом упрямо прячет лицо, сдерживая рвущиеся наружу крики, было невыносимо. Хань Цзин отдал бы все, чтобы забрать эту боль себе, но мог лишь беспомощно наблюдать за его мучениями.

Поначалу Морис еще находил в себе силы беспокоиться о ребенке и в короткие минуты передышки хрипло расспрашивал мужа. Но вскоре его дыхание сделалось тяжелым и прерывистым. Крупные капли пота ручьями стекали по бледному лицу, благородные черты исказились от судорог. Он кусал губы в кровь, встречая новые, еще более свирепые приступы. Каждый раз, когда казалось, что предел человеческих сил уже пройден, его накрывало новой лавиной боли, стирающей сознание. Морису хотелось сдаться, упасть в объятия Хань Цзина и кричать во весь голос.

— Марко...

— Он скоро?.. — с нарастающим отчаянием шептал Морис. Стоило ему приподнять голову, как капли пота покатались по шее, впитываясь в воротник и без того мокрой рубашки.

— Скоро, родной, потерпи еще совсем немного, — Хань Цзин чувствовал себя так, словно его самого резали по живому.

Он осторожно обхватил ослабевшее тело Мориса сбоку, помогая ему удерживать равновесие, но почувствовал, как муж снова задрожал всем телом и начал медленно оседать на пол.

Хань Цзин вовремя перехватил его, прижимая к себе. Он попытался аккуратно придержать каменеющий живот Мориса, но тот как раз находился во власти чудовищной схватки. Боль была сравнима с раскаленным докрасна железом, которое медленно проворачивали в костях таза, выжигая живую плоть. Это было за пределом человеческого терпения.

Морис не выдержал. Глухой, отчаянный крик сорвался с его губ:

— А-а-а!.. Не надо!

— Больше не... кхм! — он резко прикусил губу до новых струек крови. Холодный пот градом катился по лицу, а рука, сжимавшая деревянную стойку постели, мелко дрожала.

Испугавшись столь бурной реакции, Хань Цзин отдернул руку. Живот Мориса сейчас напоминал пороховую бочку: любое прикосновение причиняло ему невыносимые страдания. Хань Цзин метался рядом, не зная, что предпринять — простой массаж больше не приносил облегчения. И в этот момент, как спасение, раздалась долгожданная трель вызова.

— Марко приехал! Он внизу! — торопливо сбросив звонок, Хань Цзин почувствовал, как огромный камень свалился с души. Он стер струящийся по шее мужа пот: — Все хорошо, потерпи, сейчас все закончится.

— Давай я помогу тебе лечь на кровать, а сам спущусь и впущу его.

— У меня... нет сил... — выдохнул Морис, безуспешно пытаясь сдвинуться с места. Даже в короткие секунды затишья кости таза ныли так, словно их раздробили молотом.

— Ничего, ничего. Чуть позже я заварю тебе крепкий настой, восстановишь силы. Главное — не бойся, Марко профессионал, все пройдет отлично, — Хань Цзин бережно, но крепко обхватил Мориса и перенес его на постель.

За эти три часа муж растерял почти все силы. Не зная основ правильного дыхания и расслабления, Морис расходовал энергию впустую, борясь с каждой схваткой. В душу Хань Цзина закралось горькое раскаяние: может, стоило быть настойчивее и заставить его выучить правила? Из-за его слепой заботы Морис теперь терпел двойные муки.

— Полежи спокойно, я мигом, — Хань Цзин запечатлел нежный поцелуй на искусанных, окровавленных губах Мориса и поспешил к выходу.

Едва за мужем закрылась дверь, Морис накрыло новой волной. Живот вновь одеревенел, превратившись в холодный кусок железа. Морис метался по простыням, тщетно пытаясь найти хоть сколько-нибудь сносное положение, чтобы унять эту непрекращающуюся пытку.

Боль превосходила все, что ему доводилось испытывать прежде — даже тяжелые ранения на службе не шли ни в какое сравнение с этим адским изнурением. Тогда, во время угрозы выкидыша, его спасало полубессознательное состояние, теперь же разум оставался пугающе, кристально ясным. Ни капли сонливости или слабости. Каждый укол, каждый спазм отдавался в нервных окончаниях сокрушительным эхом, от которого невозможно было укрыться. Казалось, вся та лавина сонливости и вялости, преследовавшая его последние недели, была лишь долгой подготовкой организма к этой финальной экзекуции.

Морис впервые почувствовал себя абсолютно беззащитным. Под напором очередного спазма он запрокинул голову и судорожно сжал в кулаках простыни.

— А-а-а... хм...

Вбежавший в дом Хань Цзин услышал этот глухой стон еще на лестнице. Сердце испуганно сжалось, и он ворвался в спальню.

— Морис!

Он бросился к постели и привлек мужа к себе. Тот, ослепленный новой волной боли, инстинктивно вцепился в его руку с такой силой, словно пытался выжать из нее спасение от раздирающей его изнутри муки.

— Как он? Что с ним?! — лихорадочно спросил Хань Цзин у следовавшего за ним врача.

Марко осторожно развел колени Мориса, приподнимая подол рубашки, чтобы провести осмотр. В его озерно-зеленых глазах промелькнула глубокая тревога. Никаких следов крови или околоплодных вод — все было стерильно чисто, однако раскрытие продвигалось с бешеной скоростью. Уже шесть пальцев.

Подобно Хань Цзину, доктор не мог найти логичного объяснения происходящему. Тем не менее портативный монитор упрямо фиксировал ритмичное сердцебиение плода, а датчики подтверждали: ребенок уже опустился в малый таз. Роды шли полным ходом.

"Неужели это очередная загадка его совершенной генетики?"

Как бы там ни было, с чисто физиологической точки зрения процесс протекал на удивление гладко.

— Все идет на удивление быстро. Раскрытие уже шесть сантиметров, — Марко облегченно выдохнул и ободряюще улыбнулся Морису. — Когда начались первые боли? Не молчи, мне нужно знать точное время.

Ослабив хватку на руке мужа, Морис тяжело выдохнул сквозь зубы:

— Днем... часа в два... Я думал, просто перенапрягся, и это обычный тонус...

— Почему ты промолчал?! — Хань Цзин сильнее прижал его к груди, проклиная собственную невнимательность.

— Думал... само пройдет... А-ах! — он внезапно прервался, снова судорожно хватая Хань Цзина за пальцы. Кожа на его лице побелела, а по лбу покатались новые крупные капли пота. Очередная схватка сковала все его тело.

— Сядь позади него и прижми к себе, пусть упрется спиной в твою грудь. Так плоду будет легче продвигаться по родовым путям, — скомандовал Марко, настраивая датчики кардиотокографа и подключая шкалу измерения интенсивности боли.

— Не паникуй, до рассвета ты уже точно обнимешь свою дочь, — мягко произнес врач, заметив, как в глазах Мориса нарастает страх. — Все идет отлично. Три часа назад, когда Хань Цзин звонил мне, раскрытие было всего три пальца, а сейчас уже шесть. Для первых родов это фантастическая скорость. Нам нужно подождать еще немного. Когда раскроется до восьми сантиметров, начнешь помогать ребенку и тужиться.

За внешним спокойствием Марко скрывал нарастающую тревогу. Раскрытие шло полным ходом, но почему до сих пор не лопнул пузырь? Он бросил быстрый взгляд на показатели альгометра и почувствовал, как внутри все похолодело.

По медицинской шкале болевой порог при тяжелых родах или терминальной стадии онкологии редко превышает девяносто баллов. Разрыв внутренних органов оценивается примерно в шестьдесят пять. Монитор же Мориса упрямо фиксировал предельную отметку — сто двадцать. Это был абсолютный максимум прибора. Даже если реальная боль зашкаливала за эти пределы, техника физически не могла показать больше.

И Морис терпел это без единого крика.

Какая сила воли требовалась, чтобы не потерять рассудок при таких показателях? Неужели это и была обратная сторона его совершенного генетического кода?

Глядя на измученного, взмокшего от пота Мориса, Марко чувствовал, как на сердце ложится тяжелый свинец. Но выдавать свой страх было нельзя. Если бы не показатели пульса, давления и кардиограммы, которые даже сейчас оставались безупречными, доктор давно наплевал бы на все протесты и вызвал реанимобиль для госпитализации. Однако Морис держался, оставаясь в полном сознании.

— Больно... Господи, как больно... Хань Цзин...

— Помоги мне... Хань Цзин... умоляю...

Стыд перед унижительной позой, былая гордость, хваленое самообладание — все было отброшено в сторону. Под безжалостными ударами непрекращающихся схваток Морис ломался на глазах. Он судорожно цеплялся за ладонь мужа, выгибался всем телом и бессильно падал обратно на простыни, глухо, навзрыд воя от невыносимой, выматывающей душу пытки.

Почему ребенок не рождается? Морис бессильно откинулся на грудь Хань Цзина, лоя ртом воздух. Его синие глаза застилала пелена слез. Марко утверждал, что стоит лишь правильно тужиться, и все закончится. Но сколько бы он ни выкладывался, мучительные потуги не приносили результата — лишь нескончаемый, разрывающий изнутри ад.

— А-а-а! — новый приступ заставил его рвануться вперед. Он заметался по постели, инстинктивно пытаясь уклониться от прикосновений врача, которые казались ему изощренной пыткой.

Марко, игнорируя его сопротивление, раз за разом мягко, но настойчиво массировал напряженный живот Мориса, помогая плоду продвигаться вперед. Ребенок уже вошел в родовые пути. Наступала развязка.

— Тужься, Морис! Еще немного!

— Я с тобой, я держу тебя, любимый! — Хань Цзин крепко обнимал его мокрое от пота тело, осыпая поцелуями искаженное мукой лицо. На губах появился соленый привкус. Это был не чужой пот — его собственные слезы неостанавливаемым потоком катились из глаз.

Он пытался смахнуть их, но слезы застилали взор снова и снова. Его безупречный, гордый Морис, всегда казавшийся недостижимым и сильным, сейчас лежал в его руках совершенно сломленный, вздрагивая от рыданий. Хань Цзин судорожно сжал его ладонь. Обручальные кольца больно врезались в кожу их переплетенных пальцев, словно пытаясь забрать хотя бы малую долю этой невыносимой муки.

— Еще раз, Морис! Сильнее!

— Малышка уже почти здесь! Ну же!

— Тужься, любовь моя, тужься!

Слова мужа доносились словно сквозь слой воды. Морис резко запрокинул голову, и крик застрял у него в горле. В это мгновение показалось, будто все его существо — плоть, кости и сама душа — разрывается под ударом безжалостного лезвия. Копившаяся часами боль хлынула лавиной, сминая его железную волю. Впервые им овладел первобытный, леденящий страх: он не сможет. Ему не справиться.

Как его измененное, безупречное тело с его мгновенной регенерацией способно пропустить и выпустить в мир новую жизнь?

Неужели в этом и крылась роковая ловушка? Чем совершеннее творение, тем ближе оно к гибели...

— Морис?!

Его тело вдруг обмякло, словно нити марионетки перерезали в один миг. Он перестал бороться и тяжело повалился на грудь Хань Цзина. Веки прикрыли затуманенные болью изумрудные глаза. В панике Хань Цзин крепко прижал его к себе, даже не расслышав ликующего возгласа врача.

— Марко! Осмотри его скорее! Что с ним?! — его голос сорвался на крик. Все его существо сейчас было сосредоточено только на затихшем муже.

— Спокойно, он в порядке, — Марко нахмурился, быстро проверяя рефлексы потерявшего сознание Мориса и сверяясь с показаниями приборов. Спустя секунду его лицо разгладилось.
— Просто истощение. Он отдал все силы. Дай ему поспать.

— Хань Цзин, посмотри. Это твоя дочь, — Марко бережно протянул ему завернутый в чистую ткань пищаний комочек. Голос доктора, вопреки моменту, звучал натянуто и глухо.

Хань Цзин вздрогнул, словно очнувшись от сна. Он несмело протянул руки и принял ребенка. В эту секунду он оцепенел. В груди бушевал ураган из облегчения, ликования и странной, необъяснимой тревоги.

Их дочь. Малышка, ради появления которой Морису пришлось пройти через все круги ада. Она была невероятно красивой, словно выточенной из тончайшего фарфора. Очертания лба и крошечных бровей уже сейчас напоминали благородные черты Мориса, а линия губ и носик были точной копией его собственных. Мощная волна отцовской любви мгновенно затопила сердце Хань Цзина. Он прижал девочку к себе, затаив дыхание, и вгляделся в ее личико.

Она определенно отличалась от обычных человеческих младенцев.

Ее мягкие волосики отливали благородным пепельно-серым цветом, а когда малышка приоткрыла крошечные веки, на него воззрились глубокие, невероятно редкие глаза цвета темного янтаря.

<http://bllate.org/book/19677/2006483>